

Интервью номера

«Для нас музыка вторична, на первом месте цирк»

Алина РЕБЕЛЬ

— Алексей, 20 октября вы выйдете на сцену ГПЗ «Россия» с новой программой. Что ждет ваших поклонников?

— Новый материал, декорации, аранжировки. Песни-то мы будем играть старые, уже знакомые нашей аудитории, но все это будет звучать и выглядеть по-другому. Новыми будут только специально написанные связки, прологи, конферансы. Мы просто отобрали популярные, может, даже привнесшие частично нашим слушателям песни и следовали их в совершенно других аранжировках, в новом звучании. Плюс мы будем играть чужие песни, потому что у нас будут гости. Они будут петь наши песни, а мы им в ответ петь их. На сцене появятся Макс Леонидов, Андриян Макаревич, Алена Свиридова, Гоша Купенко.

— Почему артисты берутся за старые песни, вместо того чтобы писать новые?

— Да не вместо, мы и новые песни тоже пишем. Речь же идет о большом публичном концерте. Публика, как правило, на большие концерты приходит слушать знакомые песни. Прежде чем она заинтересуется чем-то новым, это новое нужно доиграть, прокрутить, покатавать на радио, а в идеале и на телевидении. Тогда опять же публика это захочет слушать. У нас постоянно выходят новые песни, мы их играем, но не в таких масштабах. Здесь тоже прозвучат песни, которые можно назвать новыми: они появились полгода назад, год назад и уже стали более-менее известными.

— По какому принципу вы отбирали песни для приглашенных артистов?

— Мы просто вместе сидели, чесали репу, придумывали, чтобы это было интересно в контексте нашего концерта, чтобы нам было интересно и удобно играть. Согласитесь, не так уж и много — четыре номера чужие всего. У нас в концерте получились интересный блок с Леонидовым и Макаревичем. Получается такая длинная-длинная железнодорожная история из четырех номеров и много-много песен про железную дорогу. Мы ее соответственно будем оформлять в дорожном стиле.

— Кто готовит декорации для этой программы? Вы лично влияете на художественное оформление?

— Конечно, влияю. И влияют те люди, которые занимаются креативом и писали сценарий. Опять же декорации мы придумывали вместе с нашей замечательной художницей Ларисой Ломакиной. Но изначально идея была взята из студенческого театра МГУ, где мы играли некоторые кабаре-спектакли, и у нас сцены представляла цирковую площадку. Долго проломив голову, мы поняли, что ничего лучшего на сегодняшний день придумать не можем, и просто развили ее несколько, дополнили, прибили к цирку.

— Вы будете петь на бис? Порой артисты отработывают программу и уходят со сцены.

— Интересный вопрос — я об этом как-то не думал. Думаю, с легкостью будем петь на бис. Почему нет? Другое дело, что эти номера уже не будут слепленными, не будут подготовленными для этой про-

граммы. Петь-то мы можем много, но люди вряд ли будут просить... Хотя нет, если придет толпа, которая хорошо знает наши песни...

— У любого концерта есть некая концепция. А у вас?

— Программа называется «Циркус», и в нее заложен именно цирковой подход. Это диверсифицированная, вольная последовательность номеров. Которая между тем четко продумана, хотя и не объединена единым сюжетом. Цирк сам накладывает уже достаточное количество условностей, возможностей стилизации. У нас будет униформа, будут акробатика, фокусы. Каждый номер будет объявляться, как в цирке: «А сейчас на арене...» Спускается трапеция, зажимаются фонари, выезжает повозка и начинается следующий номер. Каждая песня подается как некий трюк. Пое-то действительно содержит трюки, мы сейчас плотно работаем с цирковыми артистами, которые будут плотать аквариум, выдыхать огонь.

— Кстати, неделю назад прошел концерт Сургановой и оркестра, где тоже выдыхали огонь, фокусы показывали, и народ несколько недоуменно все это наблюдал. Вы не боитесь такой реакции?

— Мы уже двадцать с лишним лет занимаемся театральной музыкой, и никогда не пытались играть концерты на голой сцене, как обычную рок-н-рольную программу. Мы театральная команда и не собираемся изменять этому принципу. Может быть, просто у Светы Сургановой, к которой я очень хорошо отношусь, это было не очень хорошо мотивировано — такое бывает. Мы же, наоборот, отталкиваемся от цирка — музыка вторична;

— Вы просто ностальгируете по студенческому театру в МГУ или по-настоящему любите цирк?

— Не могу сказать, что часто хожу в цирк, но периодически там бываю. Я люблю разные цирки, но мой самый любимый — каналский «Дю Солей», потрясает совершенно, и в первую очередь из-за того, как там сочетаются цирк и музыка. Единственный гиперзнаменитый коллектив, который к каждой программе пишет новую музыку, выпускает ее, и музыка эта прекрасна. У нас свой постоянный композитор, своя солистка. И это на меня произвело очень большое впечатление. Правда, я живьем их никогда не видел, но зато в запи-

сках. Полунин стал концептуалистом, а Лейкин работает в Канаде. Я даже не знаю, что он сейчас делает.

— Помимо концептуализма, Полунин еще и грустный концептуалист. Порой даже трагический.

— Это не удивительно.

— Ваши клоуны веселые?

— В программе они больше веселые, наверное. Но они еще будут и немного страшные, потому что «Циркус» — это не детский утренник на лужайке, спектакль достаточно жесткий. Там будет много всяких ужасов.

— Например?

— Начнется все с того, что, пока заходят зрители в зал, наши клоуны будут ходить со специальными каллами в руках, в которых будут лежать конские какашки, и ароматизировать. Ну чтобы пахло, как в цирке. Мы думаем, надо им дать какие-то ложечки, чтобы это разминать. Непонятно, правда, куда потом девать ложечки. Сейчас по этому поводу идет дискуссия.

— Но это скорее смешно, чем ужасно.

— Ну они все будут такие: вроде бы ужасные, но достаточно смешные.

— Кстати, почему рок-н-рольщики стали склоняться к цирку, клоунаде, к таким полудьявольским темам?

— Мне на этот вопрос ответить очень трудно, потому что у рок-н-ролла, очищенного от клоунады и театризации, никогда не занимался. На самом деле, цирк и театр, как и музыка, вещи достаточно близкие. Почему сейчас люди этим занимаются? Очевидно, просто хотят разнообразить зрелищную сторону представления. Надоело, наверное, просто играть под гитару и барабаны.

— У вас было достаточно много образов и ролей. Кем вам больше понравилось быть, Бэтменом или Дьяволом?

— Дьяволом понравилось больше, поскольку в этом образе я больше сыграл. Бэтмен — это же съемки одного клипа, ну повисел я там денек на распорках. А все-таки «Дейл Ван Хорн» присутствовал целый год на российской сцене, и было очень сложно и интересно сыграть, много всяких зававок было.

— А по характеру кто вам ближе?

— Да по характеру они мне оба далеки. Дьявол по технической оснащенности ближе. А еще Бесу приходится пользоваться личным обаянием,

«Генезис», «Квин», «Мистер Бангл». Это довольно замысловатые композиции.

— Сегодня много говорят о том, что русский рок — это достаточно притянутое за уши понятие, вторичная по отношению к Западу культура. Как вы к этому относитесь? И что такое русский рок?

— На сегодня русский рок пребывает в стагнации, это естественно, но мы из нее скоро выйдем. Вторичность в музыкальном плане? Да, конечно. Дело в том, что рок-культура в очень большой степени опирается на технические возможности. Появилась первая электрическая гитара, появились какие-то там рок-н-рольные звуки, электроорганы, определенные способы подзвучки барабанов — тогда началась развиваться культура рока. В России это все из-за чудовищной бедности приходило всегда в большем опозданием. Это и сейчас так, потому что денег у нас относительно Западу не стало больше. Скорее даже меньше. Поэтому техническое отставание присутствует всегда, а стало быть, оно влияет на музыкальную структуру. Нато, что и как люди научаются играть. Что касается оригинальности в текстовом смысле, то я думаю, здесь русский рок далеко стоит впереди Запада. Потому что в нашей стране уже успели поработать великие поэты. Текстовая составляющая в настоящем рок-н-ролле ничуть не менее важна, чем музыкальная. Здесь мы не отстаем от Запада. Что касается последних лет, рок-н-ролл практически свелся к нулю — он начал развлекать публику, потому что возникла иллюзия, что все хорошо и можно расслабиться. Сейчас все больше и больше становится понятно, что маятник со страшной скоростью летит назад, то есть рок-н-ролл скоро должен занять свое истинное место: называть вещи своими именами, позорить президента и призывать к перевороту. И очень скоро это начнется, я вас уверяю. Думаю, что к весне — лету появятся замечательные веселые молодые ребята, которые начнут петь музыку протеста. Мы собираемся к ним присоединиться.

— То есть у вас уже есть такие песни?

— И уже есть, и будут написаны, конечно.

— Рок в свое время стал толчком для перестройки, а потом наступил период стагнации. Обществу сегодня абсолютно пассивно. Есть смысл петь социальную?

— Сейчас в стране появился новый брежневский кабинет, судя по всему, этикие бегемоты во власти. А потому снова пора раскачивать это болото, а, следовательно, будет новая волна андеграунда. Пока наш президент не шамкает, как Леонид Ильич, но к этому все идет.

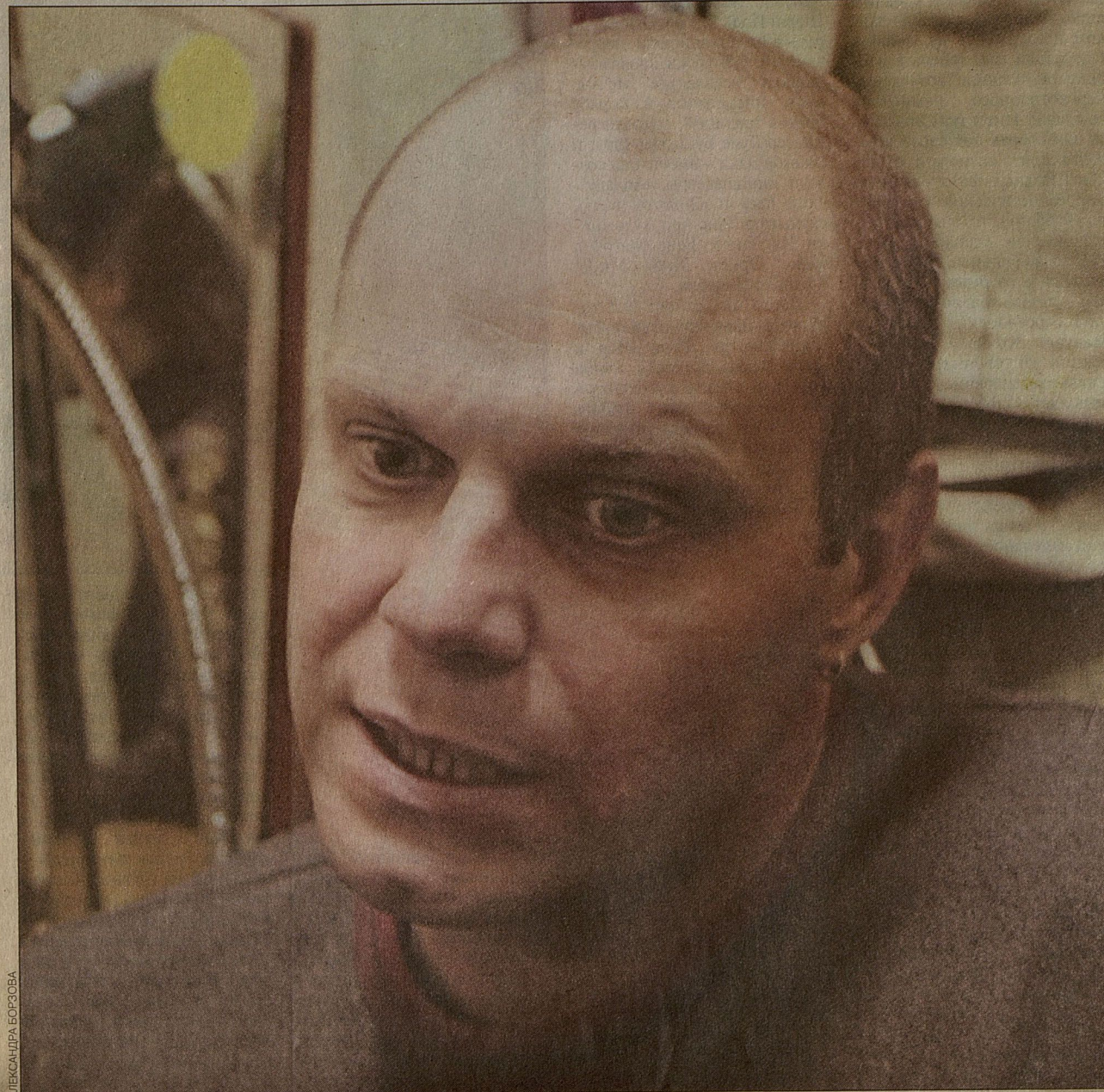
— Когда «поэт в России больше, чем поэт», это хорошо или плохо?

— Конечно, плохо. С точки зрения вообще человеческих ценностей это паршиво. Поэт должен быть поэтом, писать про цветы, луну, любовь и так далее. К сожалению, наша страна избрана Богом каким-то таким корявым способом, и, наверное, всегда поэт будет в России больше, чем поэт. Вот мы пережили где-то 5–6 лет, когда поэт занимал именно то место, которое ему предназначено. Типа бухгалтера. Сейчас, боюсь, все вернется на круги своя.

— То есть только в экстремальных условиях мы можем начать писать что-то настоящее?

— Думаю, что да. Ну что значит настоящее? Пляски это тоже настоящее. Я не собираюсь осуждать людей, в том числе и себя — пять лет «играли на похоронах и танцах», как сказал Андриян Макаревич. То есть нечем было заниматься, за нас эту работу делали журналисты, публицисты, просто политические какие-то фигуры. Все было в порядке. Совершенно не нужно было бить в набат, надо было просто нормально играть какую-то успокоительную музыку. Сейчас эта ситуация меняется стремительным образом, и, думаю, что рок-н-ролл опять займет причитающееся ему место.

— Кстати, у Макаревича есть песня «Меня заказали сегодня к обеду». Многие артисты сейчас выступают на междоусобицах всяких богатых компаний. До-

водилось ли вам выступать перед такой публикой и как вы к этому относитесь?

— Ну мы вообще в последние полтора года играем только на частных вечеринках. Мы играем больше концерты, мы играем на гастрольях. А в московских клубах мы отказались играть вообще. Честно говоря, я вижу негативную разницу между клубной публикой и той, которая заказывает танцы и похороны. Потому что люди, которые нас заказывают — давайте смиримся с этим термином — на свою частную вечеринку в каком-нибудь ресторане или клубе, это, как правило, какая-нибудь компьютерная контора, банки. Люди, с которыми я учился в университете, с которыми я знаком 20 лет, которые прекрасно знают репертуар. Мы не гиперпопулярны, не Верка Сердючка, которую можно пригласить куда угодно. Нас вызывают люди, которые хорошо знают, что они заказывают. В результате на подобных вечеринках, хотя они, казалось бы, частные, где танцуют богатые мальчики, выступать гораздо приятнее, чем в каком-нибудь московском клубе, куда в последнее время набивается просто публика, проходящая мимо. Или просто привыкшая ходить в этот клуб. Им не важно, что и как слушать.

— Появится ли в России культура слушать музыку?

— Думаю, не скоро. На самом деле музыку слушают. Мы только приехали из Новосибирска, где отыграли два концерта в огромных залах под 2 тысячи человек, где люди сидели, внимательно слушали от начала до конца, смеялись именно там, где положено смеяться, хлопали, плакали. То есть люди слушать музыку умеют. Только нужно создать им условия, в которых они могут ее слушать. К сожалению, в наше время в основном люди борются за громкое звучание, за громкие сигналы, а не за содержание. Это уже хорошо видно на каких-нибудь курортных набережных, где побеждает тот ресторан, в котором больше киловатт.

— Что касается культуры восприятия сложной музыки, неоднозначной, то для того чтобы ее воспринимать, у людей должны быть собственное время, собственное место на чердаке, мозги, не занятые заботами о хлебе насущном. И до тех пор, пока человек думает только о том, как ему прокормить себя и семью, он будет слушать исключительно «Фабрику звезд», Верку и прочее. Потому что это именно та музыка, которая говорит: расслабься, чувак, ты уже сегодня наломался на работе, успокойся. Все будет хорошо... Когда мы решим наши социально-экономические проблемы, решатся проблемы эстетические. Потому что бытие по-прежнему определяет сознание. И откуда от этого не деться.

На телешоу с Инной Гомес

«У меня есть острое желание поработать с каким-нибудь большим режиссером — театральным, киношным, с настоящим мэтром, от которого я мог бы почерпнуть что-нибудь новое»

си просмотрел все, что нашел. Во многом «Циркус» навеян попыткой как-то сымитировать то, что делают каналцы.

— Вы говорите, в вашей программе будут клоуны. У вас есть любимый клоун?

— Пожалуй, сейчас нет. Долгое-долгое время у меня были любимыми клоунами Слава Полунин и Леонид Лейкин, когда оба работали в «Лидеях». Даже Лейкин, пожалуй, больше нравился. Но уви,

что, как правило, мне тоже не чудно.

— Есть ли образ, который вам не удалось еще создать, о котором вы мечтаете?

— У меня есть острое желание поработать с каким-нибудь большим режиссером — театральным, киношным, с настоящим мэтром, от которого я мог бы почерпнуть что-нибудь новое. Вот когда случится работать с Янушем Юзефовичем — настоящим постановщиком европейского, да даже и мирового уровня, да даже и мирового интереса. Больше, к сожалению, такой встречи в моей жизни не произошло. С удовольствием поработал бы с Никитой Сергеевичем Михалковым, Адабашьяном, Абдрашидовым. Но, к сожалению, пока не зовут.

— На чьи концерты вы сами ходите?

— Очень редко удается куда-нибудь выбраться, потому что в последние полтора года мы работаем практически каждый вечер — репетиции, концерты. Свободно только утро, но утренники никто не играет. Из того, что было в последнее время, на «Аукцион» я с удовольствием ходил месяца два назад, на концерт Максима Леонидова ходил, потому что мы вместе играем в спектакле в Питере. Я приехал на день раньше, чтобы там порепетировать, а у Мака был концерт, который мне очень понравился.

— Какую музыку вы слушаете дома, в машине?

— Дома я музыку не слушаю вообще, потому что дома я, как правило, работаю или сплю, ем или занимаюсь домашними делами. В машине в основном слушаю сложную арт-роковую или симф-роковую музыку, которую сейчас мало кто производит. Это самые разные команды, включая

АЛЕКСАНДР БЕРГОВА